

## ДОЛГ СТАРШИХ

О ЧЕМ ДУМАЕМ,  
О ЧЕМ СПОРИМ

В СЕМ ИЗВЕСТНО, что молодежи у нас предоставлены неограниченные права и возможности для проявления всех способностей. Не случайно сейчас, как никогда прежде, партия придает такое большое значение выдвиганию новых талантливых кадров. Справедливы слова Н. С. Хрущева о правильном сочетании старых и молодых кадров, о том, что если старые работники, несмотря на свой опыт и заслуги, отстали, утратили чувство нового и потому не могут уже вести дело вперед с той великой наступательной энергией, которая необходима нашему времени, то лучше им уступить место людям нового поколения. Эта мысль в равной степени относится к деятелям народного хозяйства, науки, культуры, искусства.

Конечно, доверие партии ко многому обязывает тех, кому оно оказывается. Молодежь должна помнить, что, помимо прав, у нее есть большие обязанности по отношению к обществу, что внутреннее сознание долга, веления совести должны играть далеко не последнюю роль во всей ее жизни. Горько бывает наблюдать, что порой чувство долга у молодого художника едва развито, а совесть его молчит, тогда как она должна звать его к полной отдаче творческих сил на пользу общему делу.

Но сегодня мне представляется необходимым сказать и о долге

старших. О том, что мы не всегда улавливаем прогрессивное значение творчества молодых. Мы не всегда видим в их работе процесс развития с его поисками, неизбежными промахами и находками. Промахи не страшны, зато находки плодотворны, ведут искусство вперед, когда они направлены на утверждение благородных идей. Мы же иногда спешим объявить, что новый художник стал на неправильный путь. А он не стал. Он еще только пробует, еще только идет, и путь его труден. И мы обязаны не создавать на этом творческом пути искусственные, не творческие трудности, а как раз наоборот: мы должны создать начинающим в искусстве условия наибольшего благоприятствования. Не тепличные, а просто благоприятные, деловые условия, при которых способности каждого могут выявиться и развиваться нормально.

Этой задаче следует подчинить всю нашу работу. Ведь все мы стремимся к одной цели. У нас нет и не может быть «антагонизма поколений». Но и у нас случаются серьезные помехи на пути молодых. Почему?

Быть может, дело в том, что старшие недостаточно терпимы? Упоенные своими успехами — иногда реальными, иногда мнимыми, — мы считаем себя непогрешимыми. И полагаем, что если человек нового поколения по-своему воспринимает, иначе выражает действительность, то все им сделанное — заведомо неправильно и должно быть предано анафеме.

Но, во-первых, теперь-то мы уже знаем, что непогрешимых людей нет. Во-вторых, нас должно радовать, а не огорчать стремление молодежи говорить своим языком, идти дальше нас, искать то новое, что в жизни видно сразу, а в искусстве так трудно вырази́мо... Нельзя не понимать, что очень часто молодым в большей мере, чем нам, свойственно чувство нового, понимание нового. Нельзя с опаской относиться к появлению и проявлению молодых индивидуальностей в искусстве. Ведь они и есть наша смена — наша, советская молодежь. Она готова защищать, отстаивать своими произведениями наш образ жизни, ее устои. Начинаящий художник в силу своей молодости — художник, выросший в советских условиях и, конечно, преданный им, не может хотеть поставить спектакль, чуждый нам по духу, вредный нашему великому делу.

Поэтому мне представляются по меньшей мере странными претензии к тем, кто ищет, пробует, пусть порой ошибается, но последовательно, с похвальным упорством юности хочет найти в советском искусстве свой путь. Он еще не определен окончательно. И тот, кто вступает на него, вовсе не думает, что его путь — единственно правильный, что он открыл «са-

Галина УЛАНОВА,  
народная артистка СССР,  
лауреат Ленинской премии

□ □

мое главное» и для всех обязательное. Тем лучше: значит, впереди много новых открытий, много интересного и, следовательно, значительного. Легче всего приклеить ярлык. Например: Игорь Бельский болен абстракционизмом, Юрий Григорович — модернист. Вот и все.

Привожу пример из наиболее близкой мне области — балета. Говорю о начинающих балетмейстерах. Добавляю, что Бельский и Григорович — не одиноки. С моей точки зрения — к счастью. Не одиноки потому, что в нашей стране никаким человеком, а тем более способным, действительно не может остаться один: недаром коллективизм, товарищество — неотъемлемая черта советского характера. Не одиноки они и творчески. У нас в хореографии именно сейчас появляется все больше постановщиков разных по возможностям — все больше новых имен: Игорь Смирнов, Евгений Чанга, Александр Лапаури, Ольга Тарасова и только что показавшие на сцене Большого театра балет по Стендалю «Ванина Ванини» Владимир Васильев и Наталия Касаткина...

Наверно, мы еще многих не знаем, особенно из тех, кто работает на периферии, где, конечно, есть немало способных людей. Но мы познакомимся: их постановки скажут сами за себя...

**С**ЛОВО «модерн» — хорошее слово. Оно переводится так: новейший, современный, нынешний. Это — буквально. И только в переносном смысле, как обозначение чрезмерно изощренного, изломанного буржуазного искусства, оно обретает негативное, даже оскорбительное звучание. Вряд ли наши балетмейстеры заслужили его. К буквальному значению слова они ближе.

Модерн — не в отсутствии традиционного балетного костюма, а в отсутствии мысли, идеи, чувства. Я очень высоко ценю искусство французской балерины Иветт Шовире. Будучи в Москве, она танцевала в новом балете «Наутеос», а в концерте показала композицию на хоральную музыку Альбини — музыку в духе Баха. И то, и другое исполнялось в «костюмах модерн». Однако это не мешало фантастической героине «Наутеоса» быть полной живых страстей, а концертные построения оказались холодными, нарочито болезненными и лишенными мысли... Таким образом, внешний «костюмный» признак вообще ни о чем не говорит.

А говорит идея. Говорит содержание, умение балетмейстера выразить суть эмоций, мысль в танце. Например, «Берег надежды» Бельского или его попытки вопло-

щения симфонической музыки лучших советских композиторов не воспринимаются мною как абстракционизм, а как поиски способов выражения чувств современного человека в самой обобщенной, но понятной и потому убедительной форме. В известной условности танца он стремится показать конкретность чувств, и, может быть, не всегда, но это удается.

«Каменный цветок» и «Легенда о любви» поставлены Григоровичем «не на современную тему». Но балеты созданы современным человеком на новейшую музыку для нынешнего зрителя. Все значения слова «модерн» налицо. Хорошо это или плохо? По-моему, хорошо. Хорошо потому, что многое из найденного хореографом рождено мыслью, наполнено содержанием. Конечно, мы защищаем те поиски нового, которые не имеют ничего общего ни со снобизмом, ни с поисками нового только ради оригинальничанья. Вот почему я — за плодотворные эксперименты, за то, чтобы дать молодым высказаться до конца, даже если порой они не вполне самостоятельны, даже если их иногда «заносит».

Это ведь тоже — свойство молодости. Пусть они пройдут и через это, как прошли наши старшие товарищи и мы через бунт отрицания классики, увлечения акробатикой, а с течением времени, с развитием жизни и искусства сами отказались от «излишеств». Но и они сыграли свою положительную роль, необычайно обогатив, например, дуэтный танец, создав новый тип танцовщика, новый тип балетного героя.

Он был рожден самой жизнью: новое время отвергло тип изнеженного, нервного молодого человека в быту и на сцене и утвердило спортивность, мужественность, ясность и красоту человека революции. Он пришел в зрительный зал. Его образ возник и в театре. Появился и новый балет. Он предстал как синтез драматизма и танца. В увлечении драматизмом была опасность отхода от танца как главного выразительного средства балета. Реализм, ложно понятый, оборачивался своей противоположностью: обязательную и пленительную условность, обобщенность балетного искусства тоже иногда приносили в жертву натурализму. Это было плохо. И это вызвало протест.

Весь мой опыт говорит о том, что дерзания смельчаков и тогда и теперь — дань и результат молодости. И дань времени. Желание по-своему понять и воплотить его особенности. Молодые хотят уловить ритм и пластику своего времени. Ритм напряженный, пластику, порой излишне резкую и угловатую. То хорошее, что нашли тогда, что находят теперь, останется

и будет развиваться. Наносное, не органичное уйдет и забудется. Как молодой Прокофьев, пройдя через преувеличенно острые, «протестующие» ритмы балета «Стальной скок», пришел к завершенной стройности «Зимнего костра» и Седьмой симфонии, так любой большой художник идет часто мучительным, но своим путем поисков новизны к умудренности, к пониманию того, что настоящее искусство всегда просто, ясно и глубоко человеческо. И всегда современно. А это и отвечает требованиям нашего времени, духу эпохи.

Вот почему так важно поддерживать все то новое, прогрессивное, что рождается на наших глазах. Вот почему так велика наша ответственность, ответственность старших за судьбы молодежи — будущего советского искусства. От нас ждут первого слова одобрения или осуждения. От нас зависит, чтобы подлинно способные люди заняли достойное место в творческой жизни, употребляя всю свою энергию, все свои творческие возможности на создание духовных ценностей.

Долг старших — хранить вместе с молодежью лучшие творения классического репертуара, ибо вне этого репертуара исчезнет строгая и чистая форма танца, исчезнет та школа, которую надо беречь, развивать и обогащать ради будущего, во имя того, чтобы на этой благодатной почве классики выросло нечто новое.

Долг старших — помочь молодежи, вместе с нею искать и найти новое содержание, безбоязненно поддержать ее в поисках новых форм, новых тем. Только помогая талантам молодых, мы сможем решить и задачу задач — создать балет о героях нашего времени.